

Петиция о реинвестициях

- 15.04.2015
- Александр Вертячих
- Рубрика Экономика

С 1968 г. Ленинградский вагоностроительный завод им. И. Е. Егорова обеспечивал составами метрополитены всего Союза.

ФОТО Михаила ДМИТРИЕВА

Напряженность в российской экономике в начале года сменилась некоторым затишьем. Нефть стабилизировалась на отметке 56 – 59 долларов за баррель, курс доллара – между 51 и 57 рублями. Неужели мы действительно выходим из кризиса, как говорил министр финансов Антон Силуанов?

*О том, почему рано почивать на лаврах и что самой России нужно сделать для преодоления негативных явлений в народном хозяйстве, заместителю главного редактора нашей газеты Александру ВЕРТЯЧИХ рассказал профессор кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса Санкт-Петербургского университета экономики (этот вуз образован слиянием ФИНЭКа, ИНЖЭКОНа и Университета сервиса и экономики) доктор экономических наук **Михаил РОМАНОВСКИЙ**.*

– Михаил Владимирович, полгода назад мы разбирали с вами завязку того, что теперь называют кризисом российской экономики. Что изменилось за это время?

– Изменилось все, и в то же время не поменялось ничего. С одной стороны, правительство признало необходимость экстренных мер, подготовило антикризисный план, выделило средства на поддержку бюджетобразующих компаний. С другой, создалось впечатление, что Центробанк и правительство действуют разнонаправленно. Правительство выступает за поддержку предприятий, а ЦБ – за сдерживание инфляции, увеличивая ключевую ставку до 17%, а затем снижая ее до 14%. Кстати, многие предприятия были вынуждены кредитоваться в коммерческих банках под 25 и даже 35% годовых, но эту ставку никто уже не снизил.

В 2013 – 2014 годах Центробанк тоже удерживал инфляцию, но забыл, что рубль стоит столько, сколько на него можно купить. Сейчас, спустя полгода после нашего разговора, мы знаем, что девальвация рубля съела инфляционные старания ЦБ РФ. Рубль обесценился на треть. Слава богу, что из лексикона мегарегулятора ушло словосочетание «таргетирование инфляции». Обещали 6 – 7% годовых, по факту вышли 15 – 16%. Это стало «хорошей прибавкой» к девальвации рубля, существенно сократив платежеспособный спрос населения.

Сейчас мы наблюдаем, как Центробанк де-факто меняет денежно-кредитную политику, перекладывая свои задачи по определению оптимальных ставок на федеральный бюджет, из которого клиентам банков компенсируют часть процентов по ипотеке и другим кредитам. При этом федеральная казна в нынешнем году может не получить до 17% запланированных ранее доходов.

– Какие отрасли российской промышленности оказались в зоне риска?

– Больше всего пострадали транспортное машиностроение и автомобилестроение. Это отрасли, где высокая доля импорта в комплектующих и оборудовании. Судостроение пострадало в меньшей степени, но только за счет госзаказа. Однако и там не все просто: силовые установки для подлодок и военных кораблей мы традиционно закупали на Украине. Сейчас с этим сложно. Сможем ли мы быстро заместить их своей продукцией? Не уверен. Когда-то я работал на «Русском дизеле» и понимаю, что значит запустить в серию новый двигатель, особенно для оборонного судостроения.

При этом в зону риска неожиданно попали преуспевающие компании-монополисты. Даже такие, как «Ленэнерго», оказались закредитованы по максимуму. Сейчас на поверхность, как пигментные пятна на кожу, вылезли симптомы всех экономических болезней: неэффективность корпоративного управления, пассивность государства как собственника многих предприятий, слабая работа контролирующих органов.

В итоге страдает потребитель, кошелек которого похудел на треть, и реальный сектор, оказавшийся неспособным оперативно заместить импортную продукцию своей. На это нужны деньги и время – ни того ни другого производственному бизнесу не дали.

– Как в нашей экономике продвигается импортозамещение?

– Эффект мы пока видим только там, где засилье импортных товаров сдерживало рост производственных мощностей – например, в сельском хозяйстве. Там есть рост. Но в целом по индустрии картина не столь оптимистична. Почему? Да потому, что для импортозамещения нужно перевооружить предприятия. То есть сдать в металлолом старые станки и купить новые. Подготовить кадры, наладить связи с поставщиками. По иронии судьбы, последние будут сплошь иностранцы: свое станкостроение мы загубили, а Китай и страны БРИКС пока не стали надежными поставщиками средств производства.

Теперь о деньгах. Государство объявило о намерении выделить средства из резервного фонда для развития крупных корпораций, но матпомощь получают не все. Налицо перенос тяжести финансирования предприятий от банков на бюджет. Но что мы видим? Даже федеральный сверстан с дефицитом, а многие регионы находятся на грани банкротства.

Хорошо, что правительство опомнилось и выделило 100 миллиардов из 1 триллиона рублей, которые предполагалось направить на поддержку банков, реальному сектору. Эти 100 миллиардов предприятия должны пустить на импортозамещение.

Но этих ресурсов в масштабе страны мало. Надо, чтобы сами компании мобилизовали свои возможности – например, направили прибыль на обновление основных фондов. Но что мы видим? Ряд ведущих компаний выделяет заметную часть прибыли на дивиденды. А прибыль того же «Сургутнефтегаза» за 2014 год составила около 1 трлн рублей. Это средства, которые тоже можно направлять на собственное развитие. Акционеры (включая государство) должны понимать, что реинвестиции окупятся ростом капитализации компаний. Причем это нужно делать здесь и сейчас, немедленно.

– Как вы оцениваете антикризисную программу Петербурга?

– В рыночной экономике у города не так много полномочий в поддержке бизнеса. В основном административные шаги – выделение участков и т. п. Из бюджета помочь всем не получится. Я программу читал, в ней заметно желание городских властей поддержать малый бизнес и некоторые отрасли. Но нет четких целей, критериев оценки эффективности программы и абсолютно отсутствуют деньги.

Все упрется в финансирование. Здесь у города есть «подводный камень»: в этом году в бюджете Петербурга заложен дефицит на 55 млрд рублей, и город не исключает возможности выпустить облигации для покрытия казенной дыры на всю эту сумму. То есть взять в долг. Придется еще и за это расплачиваться. Это колоссальные средства, сопоставимые с «проетыми» дивидендами сырьевиков и банкиров.

Учитывая, что Минфин неоднозначно относится к кадровой политике в сфере городских финансов Петербурга, городу трудно будет получить какую-то помощь из центра. Ведь знание английского языка у молодых чиновников еще не говорит о понимании ими реалий нашей экономики.

– А как вы оцениваете работу наших чиновников экономического блока?

– К сожалению, не могу охарактеризовать положительно никого из них. Я говорю как о городском, так и о федеральном уровне. Их не очень видно, значимых научных или хотя бы публицистических работ этих авторов я, увы, не читал.

Если говорить о Петербурге, то в городских СМИ интервью чиновников-экономистов встречаются редко. Видимо, они посчитали, что горожанам достаточно Стратегии-2030 и больше ничего разъяснять не надо. Но времена меняются, ситуация в 2015 году совсем не та, что была годом ранее. И параметры грядущих «пятилеток» придется тоже менять.

– Как будет развиваться ситуация в нашей экономике дальше?

– Начнем с оптимистического сценария. Государство вносит поправки в налоговое законодательство и освобождает корпоративные реинвестиции от налога на прибыль. Предприятия мобилизуют свои ресурсы на обновление основных средств, экстренно переобучают кадры, меняют технологии. Корпорации вкладывают миллиарды в научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Это надо делать спешно – времени нет.

На этом фоне успешно (в том числе с привлечением иностранного капитала) реализуются сырьевые проекты – строительство газопроводов, НПЗ, освоение шельфа. Подтягивается гражданское судостроение. В итоге к концу года мы видим, что девальвация рубля оживила машиностроение.

Параллельно государство субсидирует ставки по ипотеке, и строительство не сократилось в разы. Значит, остались на плаву и смежники: сотни предприятий по выпуску бетона, арматуры, строительных смесей, панелей. Безработицу удастся сдержать на уровне 2 – 3% от трудоспособного населения, хотя покупательская способность рубля останется ниже, чем в 2014-м (даже с учетом выхода на рынок отечественных товаров).

– А если у предприятий и государства все это не получится?

– Тогда государство, регионы и бизнес увязнут в долгах перед банками и друг другом. Госпомощь поглотят монополисты (РЖД, сырьевики), реальный сектор будет вынужден брать займы под коммерческий процент. Возрастут дефициты бюджетов всех уровней. Отсутствие квалифицированных рабочих и инженеров вкупе с дефицитом финансовых ресурсов поставит промышленность на грань выживания. К концу года мы увидим отток капиталов и рост безработицы, кризис взаиморасчетов между предприятиями, долговой и невыплату зарплат. Возможно – даже в госсекторе.

– Мы часто сравниваем текущую ситуацию с событиями 2008 – 2009 годов. Тогда Запад сильно трясло, но Россия вышла из кризиса практически без потерь. Стоит ли надеяться на повторение этого чуда?

– Вряд ли, ведь в 2008 – 2009 годах у нас не было такой кредитной нагрузки. Сейчас только население задолжало банкам около 1 триллиона рублей – такова величина совокупной просроченной задолженности россиян. Это лишь 7% от общей массы кредитов, что показывает глубину возможной ямы.

Если люди не будут получать зарплату из-за банкротств предприятий, кредитная удавка задушит экономику. Плавно, без рывков, но задушит. В рыночной экономике все связано: нет работы – нет выплат по счетам – ты банкрот. Пока у нас нет уверенности, что чиновники сумеют не допустить оттока капиталов из страны, кризиса неплатежей и остановки предприятий. Популярный в просвещенных кругах российский экономист Яков Миркин прогнозирует, что безработица в России к концу года может вырасти до 8% от трудоспособного населения.

Хочется верить, что этого не произойдет. Но тут надо понимать, что в дело вмешиваются не только экономические, но и политические факторы глобального масштаба. Главное – сформулировать принципы некоего государственно-частного партнерства на трудные времена: государство четко формулирует принципы игры, не меняет их (на деле, а не на словах), а бизнес в ответ мобилизует ресурсы на собственное развитие, не убегая за границу.